

L.B. Karpenko
(Samara)

IMAGE OF RUSSIA IN THE REMINISCENT LYRIC OF V. NABOKOV AND I. KNORRING

Abstract: *The article deals with the reminiscent lyrics of V. Nabokov and I. Knorrning. The phenomenon of the reminiscence genre in the work of the emigrant poets of the first wave is considered in connection with the conditions in which it was formed: the dramatic collisions of the revolution, civil war, loss of the patrimonial nest, longing for Russia.*

Keywords: *the reminiscent lyrics of V. Nabokov, I. Knorrning, the image of Russia.*

E.A. Щепалина
(Самара)

СТАНОВЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА С.Н. ДУРЫЛИНА

Аннотация: *в статье исследуется художественный язык С.Н. Дурьлина, вобравший в себя традиции русской классической литературы и испытавший влияние культуры модернизма. В произведениях Дурьлина высокая церковнославянская лексика соседствует с обиходно-разговорным языком, а мистические христианские символы с народным мифотворчеством.*

Ключевые слова: *художественный язык, С.Н. Дурьлин, церковнославянизмы, народное мифотворчество, «бытие-в-слове».*

Данная статья посвящена становлению художественного языка С.Н. Дурьлина. В творчестве писателя органично продолжается русская духовная традиция, сохраняется связь с «высшим/мистическим реализмом» Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, К.Н. Леонтьева. В то же время художественное слово Дурьлина испытало влияние поэзии символистов (А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова и т.д.), прозы религиозных неореалистов (А. Ремизова, И. Шмелева, Б. Зайцева и т.д.), работ деятелей русского религиозно-философского Ренессанса (Вл. Соловьева, В. Розанова, Н. Бердяева, прот. Павла Флоренского, Сергея Булгакова, В. Эрн и мн. др.).

Дурьлин начинает свой творческий путь как поэт, публикуя свои творения под различными псевдонимами (Сергей Северный,

Р. Артем, Библиофил, Сергей Раевский и т.д.). В символистах Дурылина привлекает стремление прикоснуться к «трансцендентному» через образ-символ: «*Бреду тропинкой чуть заметной, / Бреду излучиной лесною. / Здесь папоротник тайноцветный / Ласкает жуткой тишиною*» («Ландыш», 1909) [Дурылин 2014: 491]. Однако писатель, критически осмысляя символизм как художественный метод, приходит к выводу, что искусство отвлеченное, оторванное от народа и почвы не способно спасти и без того «опупевающий мир» [Дурылин 2014: 102].

Общение с религиозно-философской элитой Русского Ренессанса накладывает особый отпечаток на Дурылина: его поэзия и проза направлены на поиски основ бытия. Герой Дурылина – личность рефлексизирующая, вопрошающая, открытая для диалога с Творцом и миром, «небесным» и «земным».

Действие большинства сочинений Дурылина затрагивает сферу «бытования»: повседневного, домашнего, обыденного. Однако подлинный сюжет произведений разворачивается не в плоскости «видимого бытия», а в сфере «незримого», «трансцендентного». Попытка показать «бытие через быт», соединить «бытийное» и «социально-конкретное мировидение» сближает прозу Дурылина с религиозными неореалистами (И.С. Шмелевым, Б.К. Зайцевым и т.д.) [Келдыш 2001: 269].

Следствием переключения повествования со «зримого» на «незримое» является отсутствие доминирования внешнего динамического сюжета в прозе Дурылина, Центральным «со-бытием» рассказов и повестей становится встреча души человеческой с иной, духовной реальностью. Преображение героя Дурылина происходит в результате общения, беседы с людьми, имеющими глубокий мистический опыт («хресьяне», старцы, монахи, юродивые, неграмотные дворовые).

Дурылинский герой существует в предстоянии высшей ценности и именно с ней соразмеряет свои мысли и поступки. Живя в двух измерениях – домашнего «бытования» и «бытия» – личность, по Дурылину, должна соединить-примирить в себе «земное» и «небесное», «народное» и «религиозное».

Отсюда в произведениях С.Н. Дурылина высокая церковнославянская лексика соседствует с живым, разговорно-обиходным языком, а мистические христианские символы с народными-мифотворческими. Так, название одного из рассказов писателя, «Четвертый волхв» (1923), указывает на такой синтез: *волхвы* – христианские образы, *четвертый волхв* – народное предание, обретающее в рассказе эсхатологическое звучание: русский мужик становится своеобразным Мессией, грядущим обновить Россию.

Именно в речи няни, носительницы «почвенного» сознания, переплетение «мифотворческого» и «христианского» очевиднее всего: просторечно-диалектные формы («*кошица*», «*хресьянин*», «*хлебушка*», «*спечь*», «*ясельки*») соединяются с церковнославянизмами («*от честнаго древа*», «*путь отверзется*», «*Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия, мирови свет разума...*») [Дурылин 2013: 259–260]. Подобный синтез естественен и органичен для дурылинских героев: их бытие сопряжено с божественным высказыванием и с традициями народного православия – это люди Книги и мифа одновременно.

С.Н. Дурылина выделяет особое отношение к слову: здесь он продолжает традицию, заложенную еще древнерусской словесностью. Для писателя человеческое слово освящается Словом-Логосом, приобщается к его божественной энергии, а шумное, темное и грязное человеческое «бывание» и «бытование» причащается тихого и чистого «бытия» [Дурылин 2006: 409]. Таким образом личность достигает высшей формы своего существования – «бытия-в-слове».

Список литературы

1. Дурылин С.Н. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 880 с.
2. Дурылин, С.Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Москва, 2014. 672 с.
3. Дурылин, С.Н. Три беса: Художественная проза, очерки. М.: Совпадение 2013. 384 с.
4. Келдыш В.А. Реализм и «неореализм» / В.А. Келдыш // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2-х кн. Кн. 1. М.: Наследие, 2001. С. 584–619.

E.A. Shchepalina
(Samara)

FORMATION OF S.N. DURYLIN'S ARTISTIC LANGUAGE

Abstract: *the article deals with Durylin's artistic language, which is absorbed the traditions of Russian classical literature and the experience of the modernistic culture. In the S.N. Durylin's works Church Slavonicisms are combined with everyday language, and mystical Christian symbols with national myth-making.*

Keywords: *artistic language, S.N. Durylin, Church Slavonicisms, national myth-making, «being-in-word».*